

Въ Румыніа передъ войной 1877 г. ¹⁾:

III.

Вима, проведенная мною въ Бухарестѣ предъ войной, заставила меня много и самостоятельно думать о такихъ предметахъ, которые при обыкновенныхъ условіяхъ, конечно, не пришли бы мнѣ въ голову. Выдвинутый впередъ предъ мобилизованной арміею, я сосредоточивался мыслями на боевыхъ потребностяхъ предстоящей войны. Но всѣ мои начинанія парализировались глубокимъ убѣжденіемъ верховъ арміи въ мирномъ разрѣшеніи крайне напряженнаго состоянія. Такое убѣжденіе являлось вовсе не логическимъ слѣдствіемъ слагавшейся обстановки. Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, по образному выраженію политиковъ, тучи сгущались и предвѣщали скорѣе бурю, чѣмъ миръ. Но по какому-то странному сочетанію свойствъ русскаго характера, слѣдствіе не вытекало изъ явленій жизни, даже шло ему въ разрѣзъ. Мысль какъ-бы искусственно усыплялась, можетъ-быть, въ силу какого-то особаго намъ невѣдомаго закона, чтобы потомъ съ особою силою развернулась родная мощь.

Въ такія-то минуты, въ началѣ февраля, я рѣшился набросать на бумагу мои мысли, назрѣвшія гораздо ранѣе, какъ результатъ моего знакомства съ славянскими странами Балканскаго полуострова, которыя мнѣ удалось посѣтить. Занимаясь послѣдніе годы предъ войною широкою подготовкою къ войнѣ, я тайлъ эти

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1912 г.

мысли, не находя возможнымъ на нихъ останавливаться въ такую эпоху, когда весь былъ проникнутъ боевыми интересами. Затѣмъ вновь выдвинуло эти мысли, и я подѣлился ими съ Н. Н. Обручевымъ. Военный министръ нашелъ полезнымъ съ ними познакомиться государственнаго канцлера и князя Черкаскаго.

Вотъ это письмо ¹⁾).

¹⁾ Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ деталями и внутреннимъ смысломъ того, что въ общемъ цѣломъ называется восточнымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что наше участіе въ этомъ вопросѣ должно быть активнымъ исключительно въ нравственномъ отношеніи. Юго-славяне должны сливаться съ нами нравственно и съ такою же неотвратимою силою, съ какою механически притягиваются металлическія былинки къ магниту. Активная дѣятельность Россіи въ судьбѣ юго-славянъ, т. е. ея матеріальная помощь, къ какимъ бы лаврамъ ни привела нашу армію, ничего другого создать не можетъ, какъ рядъ затрудненій и противодѣйствій со стороны державъ Западной Европы, а со стороны нашихъ южныхъ братьевъ—полное отчужденіе. Нашъ мечъ долженъ быть въ готовности, но только для того, чтобы закрѣпить всемірною печатью тотъ благополучный исходъ, къ которому рано или поздно приведутъ естественныя усилія юго-славянъ въ ихъ борьбѣ съ исламомъ. Вѣрный инстинктъ славянъ въ благоразумныя минуты заставляеть ихъ говорить, что они ничего большаго не желаютъ, какъ гарантій относительно внѣшнихъ силъ, съ внутренними же врагами, т. е. османами, они справятся сами.

Какой бы результатъ ни имѣло наше настоящее состояніе, окончилось бы оно приведеніемъ арміи на мирное положеніе, или блестящею побѣдою надъ турецкими войсками, во всякомъ случаѣ славяне еще разъ неминуемо убѣдятся, что мы не въ силахъ дать имъ того идеала, до котораго долетаетъ крылатая фантазія ихъ большинства. Времена миѣческія—возрожденія феникса изъ пепла—безвозвратно прошли. Суровая дѣятельность вслѣдъ за порывомъ сердечныхъ увлеченій вступаетъ въ свои права и кладетъ грань нашей всеобщей любви къ братьямъ. Если простиительно легко увлекающимся болгарамъ и сербамъ мечтать о великихъ царствахъ, то съ нашей стороны было бы по меньшей мѣрѣ наивно серьезно думать о томъ же въ настоящее время. Это слишкомъ очевидно, чтобы доказывать: гдѣ внутренняя интеллектуальная сила этихъ государственныхъ организмовъ. Та ли это крупица силы княжескаго правительства Сербіи, которая закрутилась въ вихрѣ національнаго движенія турецкой провинціи болѣе изъ зависти возможнаго участія Черногоріи, чѣмъ отъ сознанія зрѣлости минуты борьбы, силы правительства, не посмѣвшаго встать въ челѣ арміи, утонувшаго въ пересудахъ и не уразумѣвшаго ни собственной мощи, ни средствъ и свойствъ противника, ни общаго политическаго положенія. Или эта сила гнѣздится на Черной горѣ, стройная и удивительная, но еще слишкомъ ничтожная въ государственномъ отношеніи. Или эта сила сгруппировалась въ бухарестскомъ комитетѣ болгарскихъ патріотовъ. Нѣтъ, эту силу нужно еще вырабатывать, выращивать постепенно, начавъ съ подъема нивы народнаго развитія.

И теперь, послѣ 35 лѣтъ, я отъ тогдашнихъ мыслей своихъ не отказываюсь и ихъ не признаю отжившими свою эпоху. Форма стала неподходящею къ современной обстановкѣ, но сущность оста-

Программа реформъ, выработанныхъ въ Константинополь для Болгаріи, прекрасна, но она невозможна при условіи всеобщаго оглашенія и немедленнаго примѣненія въ ея цѣломъ объемѣ. По содержанію она не оставляетъ желать ничего лучшаго, но блестящая форма губитъ дѣло. Какъ нельзя разомъ создать сильнаго государства болгарскаго, такъ точно нельзя одѣлать страну эту разомъ всеми жизненными реформами. Нельзя потому, что конечная цѣль этихъ реформъ, созданіе сильнаго славянскаго государства, слишкомъ ясна для многочисленныхъ враговъ славянства; нельзя потому, что огульное примѣненіе самыхъ благодѣтельныхъ реформъ на практикѣ можетъ только омертвить страну. Совершенно другое бы значеніе имѣло постепенное примѣненіе этой программы, дѣйствительно замѣчательной и заслуживающей самаго глубокаго вниманія. Вотъ существеннѣйшія изъ ея началъ.

1. Введеніе организація общинъ съ народонаселеніемъ не свыше 10 т. человекъ жителей обоюго пола.

2. Уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами.

3. Устройство собственныхъ судовъ.

4. Ограниченіе подати, ежегодно выплачиваемой общиною центральному правительству, извѣстной суммой или процентомъ съ общаго ея дохода.

и 5. Образованіе народной силы.

Существующая администрація турецкой провинціи по формѣ либеральна, въ сущности деспотична. Либеральна потому, что составъ меджлисовъ образуется изъ народныхъ выборныхъ; деспотична потому, что меджлисы служатъ только послушнымъ орудіемъ слѣпой воли паша. Но чѣмъ съ меньшаго участка собирались бы выборные, тѣмъ связь между ними и населеніемъ была бы крѣпче, а контроль дѣйствительнѣе. Трудно ожидать, чтобы благодѣтельные результаты введенія выборнаго управленія въ общину были бы быстры, но тѣмъ не менѣе они несомнѣнно обнаружались бы.

Дѣйствительное уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами на первыхъ порахъ должно быть осуществлено разрѣшеніемъ христіанамъ носить оружіе открыто наравнѣ съ мусульманами. Другое равенство передъ судомъ, остающееся до сихъ поръ мертвымъ закономъ, возымѣло бы дѣйствительную силу вмѣстѣ съ прочнымъ развитіемъ общиннаго самоуправленія. Окрѣпла бы община, уравнились бы и прочія права относительно податей и налоговъ, отбыванія государственныхъ работъ натурой и т. д.

Правильное судоустройство можетъ укрѣпиться въ странѣ лишь при условіи существованія въ ней и всѣхъ высшихъ инстанцій суда, съ апелляціонными и кассационными включительно. Ибо, какъ идея о справедливости можетъ утвердиться, если высшій судъ будетъ находиться подъ постояннымъ давленіемъ администраторовъ мусульманскаго центра. Но это начало, само по себѣ несомнѣнно важное, не имѣетъ однако того характера настоятельной необходимости, какими обладаетъ организація самоуправления общины.

лась вѣрною. И теперь признаю воспитательное начало, предложенное тогда, какъ начало организаціи славянскихъ народностей, лучшимъ средствомъ къ образованію стойкаго государственнаго орга-

Болгарская провинція въ дѣйствительности не бѣдна. Она могла бы даже процвѣтать, если бы всякаго рода административные поборы ограничивались бы тѣмъ размѣромъ налоговъ и податей, какой опредѣленъ закономъ. Уже одно упроченіе общины ослабитъ зло, но было бы въ высшей стѣпени благотвѣтельно для страны опредѣлить общую сумму податей, которую бы община должна была платить центральному правительству ежегодно огуломъ или по срокамъ. Размѣръ подати даже могъ бы быть допущенъ болѣе нынѣ существующаго по расчету, ибо только осуществленіе этой мѣры далеко превзошло бы въ матеріальномъ отношеніи всякую надбавку. Какъ палліативную мѣру до осуществленія опредѣленной общей подати, можно было бы уничтожить систему откуповъ, этого дѣйствительнаго бича народнаго экономическаго благосостоянія.

Наконецъ, образованіе народныхъ милицій можно было бы примѣнить на первыхъ порахъ не въ смыслѣ народной арміи, а только въ смыслѣ мѣстной полиціи. Право общины имѣть собственную полицейскую стражу отнюдь бы не было новостью въ странѣ. Во многихъ мудирликахъ издавна уже имѣются христіанскіе пандуры, и даже кордонная линія по Дунаю на $\frac{4}{5}$ своего протяженія охраняется болгарскими стражниками. Когда страна освоилась бы съ собственными средствами и окрѣпла бы въ силахъ, народная стража для охраны внутренняго порядка сама собою бы развилась въ вооруженныя силы возродившагося народа.

Всѣ эти благотвѣтельныя начала, имѣющія безспорно жизненное значеніе для Болгаріи, могутъ быть примѣнены и даже съ большимъ успѣхомъ постепенно. Не такъ важны мысли реформы въ ихъ совокупности, сколько разумное и дѣйствительное ихъ примѣненіе. А это послѣднее можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго наблюденія со стороны нашихъ въ странѣ консуловъ. Собственно въ Болгаріи мы имѣемъ консульство только въ Русчукѣ, Адрианополѣ, Битолѣ и Солунѣ и вице-консульства въ Филипполѣ, Призренѣ, Тульчѣ; было бы въ высшей стѣпени полезно имѣть еще въ Софіи, Казанлыкѣ, Сливенѣ, Виддинѣ, Тырновѣ, Силистріи и Варнѣ. Если бы содержаніе этихъ консульствъ увеличило нашъ бюджетъ на 200 т. р., то лучше примириться съ этой затратою, чѣмъ отступиться отъ разумной традиціи поддержанія славянскихъ народностей.

Въ связи съ расширеніемъ нашего консульскаго надзора находится строгое охраненіе капиуляцій и открытіе срочныхъ пароходныхъ рейсовъ по Дунаю и болгарскому побережью Чернаго моря, если бы даже только до Варны. О важности охраненія капиуляцій говорить излишне. Открытіе пароходныхъ рейсовъ настоятельно необходимо. Не говоря уже о собственномъ значеніи этой мѣры, нѣсколько разъ до очевидности разъясненной, наши пароходы на Дунаѣ уже необходимы для того, чтобы мотивировать открытіе новыхъ консульствъ.

Присутствіе нашей дѣйствующей арміи въ Бессарабіи отразилось возбужденіемъ умовъ въ Болгаріи. Тамъ, гдѣ говоритъ сердце, умъ слабѣетъ. Наше вооруженіе было для болгаръ вѣрнымъ признакомъ начала брани за

низма. Къ тому же, воспитывая другихъ, самъ воспитываешься, и кто не убѣдился въ могущественномъ средствѣ усвоенія предмета, обучая ему другихъ! Обстоятельства сложились иначе. Событія дали другую исторію, нами не только не предусмотрѣнную, но къ образованію которой мы сами не мало содѣйствовали, какъ это ни странно при первомъ съ ними знакомствѣ. Нельзя насъ укорять,

ихъ народность. Ръяное болгарское юношество позабыло уроки исторіи и всю систему политическаго равновѣсія Европы, поспѣшило увѣровать въ несомнѣнность нашей окупаціи ихъ отечества и опрометчиво сбросило съ себя личину преданности, которую носило до того предъ турецкою администраціею. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуется даже нашъ генеральный консулъ въ Русукѣ. Въ будущемъ будетъ ли вся армія двинута за Балканы, или приведена на мирное положеніе, репрессалии со стороны мусульманъ христіанамъ, за сочувствіе къ намъ, несомнѣнно будутъ. Остается только вопросъ объ ихъ размѣрѣ. Надѣяться на амнистію, продиктованную побѣдителемъ, трудно, а на охраненіе страны продолжительнымъ занятіемъ вооруженною силою немислимо.

Наши враги уже теперь начинаютъ громко говорить о нашей гнилости и безсиліи что-либо сдѣлать для юго-славянъ. Англійскій консулъ изъ Русука осенью прошлаго года прямо говорилъ болгарской сходкѣ въ Сливенѣ, что для спасенія народности болгарамъ остается одинъ путь—возложить всѣ надежды на Великобританію; но англійская нація только тогда поможетъ Болгаріи, когда она отречется отъ насъ и докажетъ свою преданность Англій. Настроеніе умовъ въ Болгаріи находится въ напряженномъ состояніи и должно разрѣшиться по сложившимся обстоятельствамъ въ сторону, для насъ неблагоприятную. Не даромъ же англійскій консулъ открыто выступаетъ проповѣдникомъ новыхъ воззрѣній. Помышлять о возстановленіи въ странѣ нашего значенія силою оружія невозможно, не потому, чтобы побѣда была сомнительна, а потому, что арміи въ этомъ случаѣ пришлось бы создавать новый порядокъ вещей въ цѣлой Европѣ. Допуская даже успѣхъ послѣдняго, едва-ли было бы благоразумно идти путемъ меча и огня въ такомъ дѣлѣ, которое само по себѣ должно сложиться въ нашу пользу. Уясненіе нашей программы дѣйствій и твердое ея примѣненіе, по всему вѣроятію, упрочатъ нашу общеславянскую миссію и отстранятъ навсегда новыя возбужденія европейскихъ вопросовъ. Покрытіе Болгаріи консульствами съ упроченіемъ нашего пароходства на Дунаѣ и обезпеченіе самоуправленія мелкой общины съ правомъ носить раіѣ оружіе,—вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ съ постепенностью должно строиться зданіе болгарской государственной самостоятельности. Ваволнованные умы въ странѣ отвлекутся дѣятельностью консульствъ на строеніе болгарскихъ общинъ и новизною торговыхъ съ нами сношеній. Камней за камнемъ будутъ воздвигаться права христіанъ на твердыхъ основаніяхъ, и новое зданіе болгарскаго государства безъ порывовъ и тревоженій возникнетъ, сохранивъ чувства признательности къ намъ и отстранивъ всѣ посягательства со стороны Западной Европы“.

6 февраля 1877 г.

почему не достигнуты тѣ или другіе результаты; но мы отвѣтственны и повинны, если къ событіямъ относились пассивно, не проявляя ни своей энергіи, ни своей воли, лишь прислушиваясь къ голосу сильнѣйшаго и лавируя въ тихихъ водахъ.

Я уже имѣлъ случай коснуться не разъ тѣхъ, не оставлявшихъ желать ничего лучшаго, отношеній, которыя у меня установились съ предсѣдателемъ совѣта румынскихъ министровъ, Иваномъ Бра-тіано, въ то время объединявшимъ правительство молодого государства, начало котораго нами же было положено и нами организовано. Какая же основная мысль легла въ наши къ нему отношенія? Общность цѣлей съ уваженіемъ взаимныхъ интересовъ. Не правда ли? Выраженіе мысли осуществилось въ военной съ нимъ конвенціи. Но въ воздухѣ еще носилась обида, нанесенная намъ Парижскимъ договоромъ отторженіемъ отъ государственной территоріи нижней части Бессарабіи. Понятно поэтому, что общее вниманіе было направлено въ эту сторону, и что въ строкахъ конвенціи должно было находиться предрѣшеніе этого капитальнаго вопроса. Румынскіе патріоты вздохнули свободнѣе, успокоившись въ неприкосновенности своей территоріи. Но сущность вопроса вовсе не заключалась въ ненарушимости предѣловъ Румыніи. Всѣ хорошо понимали, что такая могущественная держава, какъ Россія, не можетъ не искать возстановленія своего престижа въ полномъ объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Румыны легко поступились бы всѣмъ, хорошо понимая, что компенсація территориальнымъ вознагражденіемъ превзошла бы размѣры потери; но, если мы щекотливы въ своемъ самолюбіи, то должны уважать и чувства другихъ. Требовались также и деликатность обращенія, а ихъ-то и не оказалось у тѣхъ, которые даже по роду своей службы должны ими обладать всегда и во всемъ.

Съ переходомъ арміи черезъ Дунай, я покинулъ Бухарестъ, и моя связь съ румынскимъ правительствомъ порвалась. Въ началѣ августа я былъ уполномоченъ Великимъ Княземъ главнокомандующимъ на веденіе сербской коопераціи. Въ Бѣлградѣ доходили слухи о все болѣе и болѣе обострившихся отношеніяхъ къ румынскому правительству; но я далекъ былъ отъ мысли, чтобы эти отношенія могли когда-нибудь дойти до почти открытаго столкновенія. Серьезныхъ къ тому поводовъ не существовало, а злоба дня—возстановленіе нашей границы по Дунаю, по моимъ понятіямъ, могла лишь наши отношенія обострить, но никакъ не довести почти до разрыва. Черезъ годъ въ Берлинѣ, въ срединѣ іюня, все стало для меня яснымъ. Въ самый разгаръ засѣданій конгресса румынскіе делегаты были допущены къ изложенію своихъ желаній, и черезъ

нѣсколько дней я нашелъ у себя визитную карточку Ивана Братіано. Я очень былъ радъ свиданію съ другомъ, и въ тотъ же вечеръ мирно лилась наша бесѣда о событіяхъ во время нашей разлуки. По-прежнему невозмутимо спокойный Братіано скручивалъ папирску и не спѣша и сжато излагалъ факты своихъ тревоженій.

„Вы помните, говорилъ онъ, какъ меня смущалъ территоріальный вопросъ, какую глубокую вызывалъ онъ во мнѣ заботу, несмотря на всеобщій оптимизмъ послѣ заключенія военной конвенціи. Найти спокойствіе въ баронѣ Стюартѣ я рассчитывать не могъ по многимъ причинамъ. Даже слова вашего государственнаго канцлера, въ это время жившаго въ дипломатическомъ агентствѣ, не могли меня успокоить.

„Я рѣшился обратиться къ источнику власти, Императору Александру II, и для этой цѣли прибылъ въ Горный Студень; но тутъ я не выдержалъ, успокаиваемый лицами ближайшей свиты Государя, и отказался отъ запроса. Мнѣ вдругъ показалось, что спрашивать о предметѣ, обусловленномъ въ конвенціи, было бы съ моей стороны въ высшей степени не деликатно. Глубоко каюсь, такъ какъ увѣренъ, судя по милостивому приему, что тутъ же получилъ бы рѣшеніе по мучившему меня вопросу. Какъ бы то ни было, но я повернулъ весь курсъ внутренней политики сообразно обстановкѣ. Что же я могъ сдѣлать, когда мнѣ пришлось докладывать камерамъ о Вашемъ требованіи уступить отторженное. Если бы я былъ своевременно предупрежденъ, я сумѣлъ бы подготовить общественное мнѣніе и добыть рѣшеніе для общаго успокоенія. Если бы я выступилъ защитникомъ требованія, власть моя неминуемо пала бы и досталась самымъ крайнимъ элементамъ. Силою обстоятельствъ, я долженъ былъ отдаться потоку страстей, чтобы постепенно имъ овладѣть и спасти государственный порядокъ...“ Въ сильномъ волненіи Братіано всталъ и прерывистымъ голосомъ продолжалъ: „Меня обвиняютъ въ непослѣдовательности, измѣнѣ, коварствѣ. Все очень громкіе эпитеты, но справедливо ли, и не страдаетъ ли отъ всего этого хаоса дѣло? Вамъ судить, Вы теперь все знаете, и на Вашъ судъ я полагаюсь“. Послѣ возбужденія наступила реакція. Онъ опустился на кресло, и вдругъ обильныя слезы появились на его глазахъ. Все это была суцая правда, не прикрашенная и вѣрно освѣщенная. Предо мной былъ горячій патриотъ, влагавшій въ дѣло всю душу свою. Много ли у насъ такихъ!

Совершенно другимъ характеромъ отличались мои отношенія къ князю Карлу. Сохраняя свойства дома Гогенцоллерновъ, къ которому принадлежалъ, онъ всегда и во всемъ былъ въ высшей степени

корректнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ любезнымъ, даже предупредительнымъ. Интересуясь современнымъ политическимъ положеніемъ, въ особенности съ военной точки зрѣнія, онъ часто приглашалъ меня къ себѣ для бесѣдъ на боевыя темы. Развертывалась на составленныхъ вмѣстѣ двухъ столахъ карта зоны Дуная съ прилегающею мѣстностью, и по ней я излагалъ свѣдѣнія, имѣвшія значеніе для военныхъ операцій. Нужно отдать справедливость князю. Слушалъ онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Любознательности его не было конца, часто допытывался до моихъ личныхъ мнѣній и предположеній на будущее время. Крайне осторожно мнѣ приходилось ему въ этомъ отказывать, хотя въ то же время я пояснялъ его свѣтлости, что въ самомъ моемъ разсказѣ, какъ ни стараюсь я его вести безпристрастно, уже невольно выражаются мои мысли. Иногда онъ дѣлалъ весьма мѣткія замѣчанія, происходившія, однако, не столько отъ врожденнаго дарованія, сколько отъ традиціоннаго родового навыка. Относительно предстоявшихъ военныхъ операцій и участія въ нихъ румынскихъ войскъ мы строили разные планы. Онъ больше склонялся на самостоятельныя дѣйствія въ Малой Валахїи, прикрывая нашъ правый флангъ при движеніи на Дунаѣ. Я предпочиталъ имѣть молодая румынскія войска въ резервѣ съ назначеніемъ ихъ для наблюденія за крѣпостями. Впрочемъ, эти разсужденія носили на себѣ болѣе академическій характеръ, такъ какъ штабъ арміи къ нашимъ заявленіямъ относился довольно равнодушно и не считалъ нужнымъ своевременно высказываться ни въ ту, ни въ другую сторону. Простекало ли это равнодушіе отъ недосуга, не знаю, но скорѣе думаю, что въ мирное время этотъ вопросъ не разрабатывался, а теперь не знали, какъ къ нему приступить. Въ одномъ только отношеніи эти аудіенціи были для меня тягостны. Требовалась точность, такъ какъ ровно въ два или въ два съ половиною часа раздавался въ пріемной звонокъ—знакъ для дежурнаго приглашать меня въ княжескій кабинетъ, а я былъ такъ занятъ! Да еще необходимость каждый разъ заблаговременно облекаться въ фрачную пару, такъ какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго я носилъ въ Бухарестѣ штатское платье, чтобы не обращать на себя всеобщаго вниманія, а князь былъ неумолимо формаленъ, требуя соблюденія формы. Вотъ почему, когда по объявленіи войны главная квартира перебралась въ Плоэшти, и князь обратился ко мнѣ съ просьбою освободиться отъ прочихъ обязанностей и остаться только въ его единоличномъ распоряженіи, я предложилъ ему въ этомъ случаѣ отдать предпочтеніе

генеральнаго штаба полковнику Дохтурову, какъ георгіевскому кавалеру ¹⁾).

Думаю, что князь остался мною доволенъ, такъ какъ къ занятіямъ выказывалъ много усердія и довольно порядочно усвоилъ общій характеръ предстоявшаго театра военныхъ дѣйствій. Онъ безошибочно говорилъ о Дунаѣ, какъ оборонительной линіи, и давалъ правильную оцѣнку турецкимъ крѣпостямъ по ихъ вліянію на ходъ военныхъ дѣйствій. Что же касается до командованія войсками, что онъ практиковалъ почти ежегодно, на маневрахъ, мы были съ нимъ старые знакомые. Впослѣдствіи во время своего пребыванія въ Петергофѣ уже королемъ, онъ очень интересовался меня видѣть, и, когда вмѣсто меня Его Величеству былъ представленъ мой братъ, онъ нашелъ во мнѣ большую перемѣну. По его словамъ, я очень пополнѣлъ.

Не могу не вспомнить съ величайшею признательностью гостепріимный кровъ нашего дипломатическаго агента барона Дмитрія Федоровича Стурта. За его радушнымъ столомъ собирались родные по крови, по службѣ и по сердцу. Несмотря на переживаемыя тяжелыя минуты, на разнаго рода административныя и хозяйственныя невзгоды, домашній барометръ здѣсь неизмѣнно показывалъ beau-temps. Природный юморъ и неожиданныя, всегда остроумныя импровизаціи барона были способны согнать заботу съ самаго закоренѣлаго пессимиста. Въ особенности онъ былъ неподражаемъ, когда

¹⁾ Отзывъ барона Стурта по случаю назначенія полковника Дохтурова состоятъ при князѣ Карлѣ.

— C'est en apprenant par le télégramme de Votre Excellence la nomination d'un Agent militaire ici que je me suis permis de regretter que le choix ne soit pas tombé sur le Général Georges Bobrikoff, qui dans les deux apparitions qu'il a faite ici, a sù se concilier l'attachement et l'estime de tout le monde par son caractère franc et tranquille et par la droiture et la lucidité de son jugement. Bobrikoff a assisté ici aux grandes manoeuvres, et a sù conquérir alors les sympathies du parti conservateur et du Général Floresco qui était au pouvoir. Depuis, ayant fait les fonctions d'Agent militaire avant la guerre, il a gagné une véritable affection de la part de Bratiano, et la considération la plus sincère de tous ceux avec lesquels il s'est trouvé en relations d'affaires. Le Prince Charles le connaît beaucoup et apprécie en lui, tant ses qualités de spécialiste, que d'homme du monde sachant conserver des relations agréables même dans les moments les plus difficiles. Son Altesse Royal m'a fait l'honneur de me dire qu'Elle avait espéré, que ce serait Bobrikoff qui serait désigné pour l'assister au début de la guerre—poste avait été confié au Colonel Doktouroff, et je suis persuadé, que si le poste d'Agent militaire pourrait être confié au Général Bobrikoff, l'ensemble des raisons sus énoncées faciliterait beaucoup sa tâche et amènerait des résultats précieux.

громилъ Западъ и требовалъ китайской стѣны на нашей западной границѣ. Большимъ зломъ для Россіи онъ считалъ существованіе великихъ державъ, и „зачѣмъ только, говаривалъ онъ, русскіе люди повадились ѣздить за границу. Брать бы съ нихъ по-прежнему, а еще лучше вовсе туда не пускать“. При оригинальномъ его паосѣ трудно было разобрать, высказывалось ли это по убѣжденію, или иносказательно, образной картиной.

Если мнѣ подчасъ приходилось трудно, то ему, конечно, было въ десять разъ труднѣе. Въ эпоху предъ объявленіемъ войны и въ послѣдующее время, наше дипломатическое агентство было какимъ-то средоточіемъ самыхъ разнобразныхъ интересовъ политическихъ и военныхъ, куда обращались всѣ по всевозможнымъ предметамъ переживаемой сумятицы. Бѣдный Дмитрій Федоровичъ по нѣскольکو разъ въ день хватался за голову и большую часть времени проводилъ у письменнаго стола въ безконечной перепискѣ съ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. Кого, кого только не приходилось тутъ видѣть. Перебывали представители всѣхъ военныхъ отдѣловъ, уполномоченные разныхъ отдѣлковъ общественной дѣятельности, корреспонденты своихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, агенты товариществъ и торговыхъ фирмъ. Но постоянными членами нашего общества были чины дипломатическаго вѣдомства, Казариновъ, Няга и Золотаревъ, да мы съ П. Д. Паренсовымъ и инженеромъ путей сообщенія Измайловымъ. Жизнь текла усиленнымъ ходомъ, и дни быстро смѣнялись, принося калейдоскопомъ все новыя и новыя событія; но неизмѣнно патриархально оставалась семейная жизнь. По-прежнему предъ завтракомъ и обѣдомъ подходили къ образу дѣти Стюарта, Володя съ Колей, а впереди ихъ маленькая Маруся, и пѣли молитву подъ голосъ послѣдней.

Большое оживленіе вносили въ нашу жизнь пріѣзды выдающихся дѣятелей и корреспондентовъ, въ особенности Н. Н. Каразина, и совершенно измѣнилъ строй нашихъ привычекъ пріѣздъ государственнаго канцлера.

— Вы увидите, говорилъ кто-то изъ нашего общества предъ обѣдомъ, что Каразинъ былъ очевидцемъ взрыва „Луфти-джелиль“ Дубасовымъ и Шестаковымъ, и что даже ояъ успѣлъ набросать нѣсколько штриховъ будущей картины. Къ общему удовольствію такое предположеніе блистательно оправдалось послѣ второго блюда. Да и стоитъ ли переносить всѣ трудности жизни корреспондента, если не видѣть всего своими собственными глазами.

Съ прибытіемъ маститаго канцлера всѣ ожидали рѣшеній самыхъ назрѣвшихъ вопросовъ, къ которымъ и прикоснутся никто

не смѣлъ. Но у всѣхъ на лицахъ вмѣсто складокъ на лбу скоро заиграли игривыя улыбки. Глава дипломатическаго вѣдомства вовсе не считалъ нужнымъ утруждать себя серьезнымъ трудомъ, ко всему относился благодушно и скоро примкнулъ къ городской уличной жизни Бухареста.

Баронъ уговаривалъ меня разрѣшить ему просить канцлера дать мнѣ вакантный постъ дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, но я не рѣшился.

Г. И. Бобриковъ.

